

Владимир Иванович Даль

**Сказка о воре и бурой
корове**

Владимир Иванович Даль

**Сказка о воре и бурой
корове**

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Пей-ка копейка, пятакъ постой-ка, будетъ и на твою долю попойка! Гужи сыромятные, тяжи моржовые, шлея наборная, кобыла задорная -- пойдетъ рысить черезъ пни, черезъ кочки, только держись супонь да мочки! Эхъ вы, любки, голубки, хвосты песты, головы ступки, что ноги ходки, хвосты долги, уши коротки, аль вы забыли, какъ прежде любили? Эхъ, съ горки на горку, дастъ баринъ на водку -- дастъ-ли, не дастъ-ли, а дома будемъ, дома будемъ, гостей не забудемъ! Эхъ, маленькіе, разудаленькіе, ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Погоди, Демьянъ, либо ты съ похмелья, либо я пьянъ; а эдакъ гнать, добру не бывать: держи ты тройку на возжахъ, правь толкомъ, да сказку сказывай тихомолкомъ; а то съ тобой чтобъ беды не нажить, чтобы сказкой твоей кого не зацепить; ты сказкой о воре и бурой корове кому-нибудь напорешь и глазъ, не только брови! А ты кричи: поди, поди, берегися! Едетъ сказка тройкой, сторонися! Сказка моя въ добраго парня не метить, а ледащаго не жаль, хоть и зацепить!

Жиль-быль подь Нижнимъ подь городомъ мужикъ; а съ нимъ и баба, а съ нею и дети -- семеро никакъ -- шестеро постарше, а одинъ помоложе всехъ. Поколе мужикъ тотъ былъ въ поре, такъ за всякую работу брался; я, говориваль онъ, слава Богу, человекъ крещеный, такъ у меня руки отъ работы не отваяются; а какъ состарелся, такъ уже и не подь силу стало; коли лапотки сплететь, лучины подь светець надереть, такъ и на томъ спасибо. Было время, что онъ детей кормилъ, а ныне, дети его и кормятъ и поятъ; круговая порука! Старикъ детей своихъ шестерыхъ наставилъ и научилъ добру, и вышли они парни работящие -- а на седьмомъ, на Ваньке, оборвалось; не впрокъ пошло отцовское ученье; отбился, отшатнулся, и пошелъ своимъ проселкомъ, не доймешь его ни калиной, ни хворостиной! У него, чуть где плохо лежитъ, то и брюхо болитъ; что ни взглянетъ, то и стянетъ! А самъ увалень, лежебокъ такой, что опричь разве за поживой, не шелохнется ни рукой, ни ногой. Какъ бывало въ воскресный денекъ, утромъ раннимъ ранешенько, поколе народъ у заутрени, съ легкой руки, протянетъ

пятерню, да сволочить у соседа кушакъ, либо ножъ, либо, буде рука не дрогнетъ, колесо съ телеги, такъ и пошоль на всю неделю, отколе что берется! Ванька съ малыхъ летъ приучаль себя къ этому ремеслу -- безъ выучки нетъ и мастера, а безъ умения и пальца не согнешь. Онъ хлеба еще не умель спросить у матери, а самъ уже тихомолкомъ руками за ломоть хватался. Бывало мать поставитъ удой молока на семерыхъ, да ребятишекъ обсажаетъ на полу вокругъ, а онъ одинъ, въ две руки, да въ две ложки уписываетъ -- не одной ложки мимо рыла не пронесетъ; бывало отецъ привезетъ изъ Нижняго на всехъ ребятишекъ по маковнику, а онъ сестрамъ и братьямъ пескомъ глаза запорошитъ, да и поестъ все одинъ. Бывало положить самъ свои рукавицы на полати, заползетъ съ печи, да и приноравливается, какъ-бы поладнее ихъ стащить, чтобы и самому не увидетьъ; бывало самъ у себя портишки унесетъ да и схоронитъ, и ходитъ какъ мать на светъ родила. А когда только сталъ онъ своимъ языкомъ лепетать, слова выговаривать, такъ первое слово сказалъ для почину, поговорку: лупи яичко, не сказывай,

а облупишь, не показывай; первую песню запелъ про Русскаго про Картуша, Ваньку Каина, первую сказку сказалъ про Стеньку Разина. Эй, быть бычку на веревочке! говаривали ему добрые люди; нашъ Ванька не слушаетъ и ухомъ не ведеть. Сталъ ему старшій братъ говорить: -- Ванька, коли ты у меня еще что украдешь, такъ ткну я тебя въ рыло ногой, будешь ты семь недель безъ одной, лететь торчмя головой! Ванька себе на уме. Поется старая песня: не бывать плешивому кудрявымъ, не отростить дерева суховерхаго, не откормить коня сухопараго, не отвадить вора отъ куска краденаго -- и Ванька все проказить по-прежнему. Тогда уже сказалъ ему отецъ: -- Послушай, Ванька, ты теперь не малъ и не глупъ; скажу я тебе притчу: у моего у сударя у батюшки, а у твоего у дедушки, была собачица старая, насилу она по подстолью таскалася -- и костью краденою та собака подавилася; взялъ дедъ твой ее за хвостъ, да и подъ гору махнулъ -- и была она такова! Будеть то же и тебе отъ меня! Ступай ты лучше, до греха, съ моего съ честнаго двора; вотъ тебе образъ, а вотъ тебе двери; дай Богъ свидеться намъ на томъ

свете, а на этомъ не хочу я тебя и знать, не хочу я хлеба-соли съ тобой водить; не хочу съ тобою въ баню ходить: где со мной столкнешься, ты мне не кланяйся, шапки передо мной не ломай, я тебя не знаю, и ты меня не знай, я тебя не замаю, ты меня не замай!

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Эхъ, по всемъ, по тремъ, коренной не тронь, а кроме коренной и нетъ ни одной! Кто везетъ, того и погоняють, у меня коренная за всехъ отвечаетъ; мой рысакъ подъ дугою рысить -- не частить, пристяжныя выносятъ, жару просятъ... Ой, жару, жару, нагоню я на свою пару -- ударю, ударю!... Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Эй, Демьянь, не нажить бы беды, ты знай гонишь, что въ масляну по блины -- ныне Русской езды баричъ не любить, а всякъ дома въ тихомолку трубить; по своей езде ты ищи простора, чтобы не зацепить, невзначай, кроме Ваньки и другова вора!

Ванька ухватилъ шапку, рукавицы, зацепилъ мимоходомъ за лишній утиральникъ узорчатый, что висель на стене, подле осколыша зеркала, сманилъ со двора отцовскую

собаку, да и пошелъ. Въ эту пору шла на ихъ село конница на пегихъ коняхъ -- трубачи, обступивши лотокъ, торговали у бабы сайки; одинъ, видно не сошелся въ цене, такъ заговоривши тётку, нагнулъ съ коня, протянулъ пять рублевъ костяныхъ, да и стянулъ валенецъ. У всякаго свой обычай: казакъ на всемъ скаку съ земли хватаетъ, а драгунъ съ лотка. Прямой музыкантъ, подумалъ Ванька про себя, поглядевъ на трубача, что только завидитъ глазами, то и беретъ пальцами да руками! Чуть ли этотъ не придется мне родня -- и я на костяной раздвижной трубке мастеръ играть!

-- Что ты, продувной парнишка, ротъ разинулъ, глядишь, нешто не видалъ еще, какъ пять свахъ натошакъ засылаютъ по невесту голодному жениху? Ты, видно, не женатъ еще? -- Холостъ, отвечалъ Ванька. -- Такъ ты по нашему, продолжалъ трубачъ, чтобы заговорить опаснаго свидетеля и выиграть время; люди женятся, а у насъ съ тобой глаза во лбу светятся! Что же ты не ищешь себе невесты? Девокъ у васъ много, да и все славныя, и самъ ты молодець! -- Хотелъ было бачка оженить,

чтобъ жена берегла да приглядывала, да я не хочу, сказалъ Ванька. -- А для чего же ты не хочешь? Ведь и бачка твой былъ женатъ, чай, аль нетъ? спросилъ трубачъ. -- Да ведь бачка-то женился на мачке, отвечалъ Ванька, а за меня отдають чужую! -- Трубочъ разсмехался на дурака, на Ваньку, да и хотелъ было ехать, но тотъ не промахъ. Погоди, говорить, режь, да ешь, ломай, да и намъ давай! Отдай-ка мне полваленца, а не то, скажу. -- Не сказывай, отвечалъ трубачъ, я за это научу тебя своему ремеслу, пойдемъ вместе. Первая вещь, берегись пуще всего, чтобъ не прошло краснаго утра безъ почину, а то весь день пропадетъ даромъ. За большимъ не гоняйся, Ванька, хозяйскую печь подъ полою не унесешь, а ты достань изъ нее лепешку, такъ и того съ тебя будетъ -- ныне рыба дорога, хлебай уху, а малая рыбка и подавно лучше большаго таракана. Вотъ, ведь и мы тоже все съ крохи на кроху мелкотою перебиваемся, да благодаря Бога сыты; если жъ станешь за крупнымъ добромъ гоняться, такъ кнутофея амальгамовича не минуешь. После таковыхъ добрыхъ наставлений и поучений, развязался

трубачъ съ Ванькою, и присталъ снова къ товарищамъ. -- Насилу сбылъ шелудиваго, подумалъ онъ про себя, поделюсь я съ нимъ сайкою, держи карманъ! Много васъ вислоухихъ ходитъ! Молодъ больно; Господь мне послалъ, такъ я и съемъ, а ты губы свои оближешь, коли не прогневаешься! Самъ хватъ за пазуху -- анъ валенца и нетъ! Ай да Ванька! Вотъ ухорезъ! У вора кореннаго изъ-за пазухи сайку унесъ, съ нимъ же рядомъ идучи, ее не жевавши съелъ, да и подошелъ запитъ къ кваснику, что вышелъ конницу на пегихъ коняхъ встречать. -- Ну, счастье твое, дуй-те горой, сказалъ трубачъ, что я тебя не поймалъ, я бы сделалъ изъ тебя мутовку, не то заставилъ бы носомъ хренъ копать! -- Что за счастье, проворчалъ Ванька, счастьемъ на скрипке не заиграешь, а всякое дело мастера боится.

-- На копейку, что ли? спросилъ квасникъ, выхвативъ стаканъ изъ-за пазухи. Пить, такъ пить, отвечалъ Ванька, подумавъ не много, наливай на грошъ! Квасникъ налилъ, Ванька выпилъ, стянулъ у него пятакъ, отдалъ за квасъ, да еще три копейки сдачи взял!

Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Смотри, Демьянъ, не нажить бы беды, тройка наша храпитъ, того гляди понесетъ! -- Понесетъ? спросилъ Демьянъ, а плеть на что? -- Да разве ты плетью держать станешь? -- Острастку задамъ плетью, такъ и возжей слушать станутъ. -- Эй, Демьянъ, кобыла подь гору побьетъ. -- Нетъ, разве я ее побью, такъ это скорей станется, отвечалъ опять свать; а самъ стегнетъ вправо, стегнетъ въ лево -- рысакъ пошолъ черезъ пни, черезъ кочки, только держись супонь да мочки! Пристяжные въ кольцо свиваются, изъ постромокъ порываются, глаза, словно у зверя, наливаются. Уснули, вздремнули, губы надули, я разбужу, подниму на ходули! Валяй, не страшно, будетъ набрашно -- ой ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Таковыми и иными, той же масти, проказами ремесла или художества своего прославился Ванька нашъ до того, что деды наши сложили про него сказку: о воргъ и бурой коровгъ. Сказка эта вырезана въ лицахъ, на лубке, не то на дереве, расписана широкою кистью медянкой, вохрой и киноварью либо сурикомъ; она продается въ матушке Москве

белокаменной на Никольской улице въ книжной лавке Василья Васильевича Логинова, и начинается стихами: Злоумышленный воръ некій былъ, во многіе грады для кражи ходилъ, и уже шельмованъ былъ неоднократно, и то ему было невнятно! Въ этой-то сказке въ лицахъ, о воре и бурой корове, нашъ Ванька играетъ лице не бурой коровы, а вора. Многіе, такъ продолжаетъ

сказочникъ, ремесло его знали и ничего у него не покупали; Ванька объ этомъ не плакалъ, не тужилъ, а чистыя денежки удилъ да ловилъ. Но онъ таки не спускалъ, где трафилось, и товаромъ, у него дня не проходило даромъ. Случилось ему однажды черезъ деревню итти и къ крестьянину по пути ночевать зайти. У мужика была бурая корова, не дойная, такъ тельная, статна и здорова. Корова моя, подумалъ Ванька, все дело въ томъ, чтобы ее увести, да себе хлопотъ не навести. Утро вечера мудренее, а у Ваньки на почине и пальцы подлиннее. Легъ онъ, задремалъ, на заре всталъ, корову со двора согналъ, и подъ дорогой въ орешнике привязалъ; а самъ на разсвете воротился, будто за добрымъ чемъ

проходился, и легъ, где лежалъ, словно ни въ чемъ не бывалъ. Поутру хозяинъ его разбудилъ, да тюри ему накрошилъ; Ванька за хлебъ, за соль его благодарилъ, а хозяинъ, собираясь въ городъ, его спросилъ: А куда тебе, свать, итти? пойдёмъ вместе коли по пути! Ванька сказалъ, что идетъ въ ближайшій градъ, а крестьянинъ тому и радъ; надломили хлеба, Богу помолились, и вместе въ путь-дорогу пустились. А Ваньке не хочется покинуть коровы, ну какъ пойти и прійти безъ обновы? У него, про случай давнымъ давно съ три короба затей припасено. Говоритъ мужику: ты, свать, меня здесь маленько обожди, не то я и нагоню, пожалуй себе иди, а я, по дороге у человека побываю, не засижусь, не бось, только должка попрошаю -- давно, признаться онъ мне продолжился, хотъ и скоро отдать разъ десять побожился; хотъ ужъ и не деньгами съ него взять, а чемъ нибудь, только бы захотель отдать. Правду же, свать, люди говорятъ: не дать въ долгъ остуда на время, -- а дать ссора на веки! А мужикъ придакнулъ; говоритъ: иди, да скорей назадъ приходи; а я сниму лапотъ съ ноги, да погляжу, не то со-

ломкой переложу -- не намять бы ноги, беда бедой какъ прійдешь въ уездный городъ хромой!

Ванька пошелъ, корову отвязалъ, и ведетъ какъ свое добро, будто за долгъ ее взялъ. Мужичекъ нашъ на нее гляделъ, гляделъ, а таки наконецъ не утерпелъ; говорить: ну, воля твоя, а это, волосъ въ волосъ, буренушка моя! А Ванька плуть ему отвечаетъ: неужъ-то похожа? бываетъ, свать, бываетъ; чай твоя кости, мясо да кожа, да и моя то же; напрасно сходство тебя въ сомненіе вводитъ; ты знаешь, и человекъ въ человека приходитъ; корову эту я у мужика за долгъ взялъ -- и то на силу его засталъ; ходишь, ходишь, посталы обобъешь, да съ темъ же опять и отойдешь! Ой, свать, послушайся ты моего слова простова, а стоитъ онъ, ей, ей, дорогова: не дать въ долгъ -- остуда на время, дать въ долгъ -- ссора на веки! -- Что клеишь, говоришь, и красно ты баешь, да коровы твоей отъ моей не распознаешь! А станешь ее дома держать, аль, можетъ, поведешь куда продавать? -- Ванька, увидевъ, что мужикъ крепко чего-то добивался, да и струсивъ, чтобъ въ городе кто не при-

дрался, и вспомнивъ, что его тамъ всякій уже зналъ и потому ничего у него не покупалъ, сказалъ: хотель бы продать, теперь денегъ мне нужно, время тяжелое -- да только крепко недосужно, кабы ты, землячекъ, ее по рынку поводиль, я бы тебя после благодариль, поставиль бы тебе вина полкварти, назвалъ бы братомъ, да обьигралъ бы въ карты! Мужикъ говоритъ: пожалуй, я продамъ, да выручку, не бось, сполна отдамъ. Ванька отделаться по добру радъ, думаетъ: Господь съ тобой, возми корову свою назадъ; а я, встану, благословясь, пораньше, да шагну куда нибудь по дальше, такъ тутъ-ли, тамъ-ли, на поживу набреду, где нибудь не только корову, и бычка уведу! глядитъ -- а крестьянинъ ужъ воротился, за свое добро, да ему же поклонился; продалъ самъ свою бурую корову, а денежки принесъ Ваньке на обнову. Ванька ему полкварти поставиль, а себе сапоги да три рубахи справиль. -- Мужичекъ нашъ пьетъ, попиваетъ, а что коровушка его іокнула {Іокъ, по-Татарски: нетъ.}, того и не знаетъ! Наконецъ онъ домой на село приходитъ, на дворъ поспешаетъ, а хозяйка съ детками его встречаетъ, говоритъ:

охъ, у насъ дома крепко не здорово, пропала со двора наша бурая корова! а детки ревуть въ два кулака, кричатъ: тятя, хотимъ хлебать молока! тогда мужикъ нашъ заикнулся, запнулся, слова вымолвить не очнулся; самъ шапку съ головы снимаетъ, изъ головы хмель вытряхаетъ, умомъ раскидываетъ, гадаетъ -- охъ, детки, детки, и я съ вами пропаль! я своей бурёнушки и самъ не узналъ! была въ рукахъ, да межъ пальцевъ проскочила -- беда бедовая по комъ не ходила! ахъ, куда мне де-тушки васъ девать, у кого теперъ станемъ молоко хлебать! А жена ему стала говорить: какъ не плакать, не тужить, а гореваньемъ другой коровы не нажить, а тебя, стараго дурня, вместо коровы не подоить!

Стой же, свать, стой, заморимъ мы свою тройку; едемъ мы съ тобой не сблизка, а сдалеку, сказка кончена, вино кизильное подле боку, -- станемъ да переведемъ духъ, да выпьемъ съ тобой, рука на руку, самъ другъ!